

21. Прочие городские коллективы

Коллективизация городских предприятий их рабочими во время испанской Гражданской войны вовсе не ограничивалась транспортом, коммунальными службами, военным производством и текстильной и швейной промышленностью. Действительно, как подсчитали Хосе Коста Фонт и Рамон Мартинес Гонсалес, рабочими были взяты под управление около 80% предприятий в Каталонии, 60% – в Леванте и 30% – в Мадриде¹.

Коллективы создавались в самых разных сферах экономической деятельности, от торговых и развлекательных заведений, до целого ряда производящих отраслей. Даже парикмахерские в Барселоне были коллективизированы. В этой главе я рассмотрю немногие примеры весьма разнообразных экспериментов по рабочему контролю.

В большинстве случаев инициатива исходила от рабочих, состоявших в НКТ. Однако в других случаях, в особенности в Валенсийском регионе, где социалисты по большей части поддерживали фракцию Ларго Кабальеро, ВСТ был полноправным участником этих экспериментов.

Коллективы в деревообрабатывающей промышленности

Одним из коллективизированных производств, о которых много говорили анархисты, была деревообрабатывающая промышленность Барселоны. Она включала в себя столярные, мебельные, лесопильные и строительные предприятия. В городе было несколько относительно крупных деревообрабатывающих предприятий и большое число мелких. Последние вскоре после начала войны стали испытывать финансовые трудности и одолжили значительные суммы денег у каталонского правительства, но это мало помогло в решении их проблем.

Крупные деревообрабатывающие предприятия были коллективизированы после 19 июля. В течение войны они оставались под управлением выборных контрольных или фабричных комитетов, и по-видимому, Синдикат деревообработки НКТ осуществлял некоторую координацию.

Но главным нововведением в деревообрабатывающей отрасли Барселоны стало объединение по инициативе профсоюза всех собственников и рабочих мелких, по большей

части разорившихся, мастерских. После того, как общее собрание профсоюза одобрило этот курс, работникам этих мелких фирм, первоначально не попадавших под каталонский декрет о коллективизации, было объявлено о том, что все они будут объединены в одно предприятие. Это предприятие состояло из нескольких заводов, каждый из которых был рассчитан на 200 или больше рабочих, и всё оборудование и персонал (включая бывших работодателей) мелких фирм были перемещены на эти новые заводы.

Объединённое деревообрабатывающее предприятие НКТ насчитывало 12 000 рабочих и называлось «Мадера Сосьялисада». Им управляли три органа. Общий надзор осуществлял экономический совет во главе с Мануэлем Эрнандесом Родригесом, который много лет возглавлял Единый синдикат деревообработки Барселоны. Техническая комиссия, в которой было столько же членов, сколько специальностей насчитывалось в отрасли, собиралась дважды в неделю, чтобы «изучить потребности всех существующих специальностей». Также была административная комиссия, отвечавшая за финансовые и административные вопросы на предприятии.

Как и многие другие коллективы, «Мадера Сосьялисада» испытывала трудности в получении сырья. Экономическому совету предприятия удалось использовать местную древесину вместо той, которая ранее импортировалась.

На заводах «Мадера Сосьялисада» были устроены места для отдыха и бассейны, куда рабочие могли пойти после работы. Также действовали библиотеки, курсы профессиональной подготовки и общеобразовательные школы².

Гастон Леваль описывал результат такой скорее даже не коллективизации, а синдикализации барселонской деревообрабатывающей промышленности: «Власть синдиката, а точнее говоря, собраний, решения которых были окончательными, применялась в полной мере. Если где-то были лишние рабочие, их направляли на другие предприятия, которые выпускали изделия, более полезные в новой обстановке, например простую мебель вместо дорогой. Использование сырья было рационализировано, и, насколько позволяли условия войны, были возвращены методы, отличавшие наше профсоюзное движение»³.

«Мадера Сосьялисада» была относительно обеспеченной. Кроме того, у её рабочих было сильное чувство солидарности. Так, однажды предприятие одолжило значительную сумму трамвайному коллективу Барселоны, когда тот испытывал финансовые трудности⁴.

В соседнем Оспиталет-де-Любрегате деревообрабатывающая промышленность также была коллективизирована. Коллектив контролировался синдикатом рабочих по дереву НКТ, который объединил мелкие мастерские, преобладавшие в этой отрасли, и сосредоточил всё наличное оборудование на нескольких крупных предприятиях. Деревообрабатывающий коллектив Оспиталета, как сообщалось, был успешным и процветающим⁵.

В Валенсии существовал деревообрабатывающий коллектив несколько иного рода. Это было совместное предприятие НКТ и ВСТ, производившее ящики и контейнеры для цитрусов. После 19 июля профсоюзы НКТ и ВСТ создали объединённый регулирующий комитет для

реорганизации этого производства, в котором было занято 1,5 тысячи рабочих провинции.

До начала войны здесь наблюдалась ситуация, которую НКТ описывала как «хаотическую», многие фирмы находились на грани банкротства. Регулирующий комитет взял управление всеми предприятиями в свои руки, унифицировал цены, зарплаты и продолжительность рабочего дня по всей провинции и приобрёл новое оборудование. Вся имевшая в наличии техника была распределена так, чтобы, по мысли членов комитета, давать наиболее эффективный результат для отрасли в целом.

Как и на большинстве коллективизированных предприятий, предоставлялись услуги здравоохранения для всех членов коллектива и их семей и пенсии по старости. Также были сделаны некоторые, точно не оговорённые в источниках, улучшения в области культуры.

В конце 1937 г. основной проблемой, с которой столкнулся регулирующий комитет, была транспортировка древесины из других частей Испании, и для разрешения этой проблемы он должен был обратиться к Министерству транспортаб.

Бумажный коллектив Урхеля

В каталонском провинциальном городе Сео-де-Урхель были две бумажных фабрики, которые до Гражданской войны принадлежали АО «Ла Форесталь де Урхель». Некоторое время они субсидировались правительством, но незадолго до начала войны они были закрыты, очевидно вследствие забастовки.

Вскоре после поражения мятежников в Каталонии рабочие этих двух фабрик в Урхеле решили открыть их, ввиду угрозы дефицита бумаги в регионе. Финансовое положение нового коллектива было незавидным. В одном из его отчётов в конце 1937 г. говорилось: «У нас было 19 000 песет в банке и огромный долг. Нужно было оплатить пять недель забастовки. Коллектив приложил величайшие усилия, чтобы нормализовать положение. В течение трёх месяцев мы выплатили зарплату за эти пять недель, а долг в течение года был уменьшен на 70%. В настоящее время имеются достаточные средства, чтобы удовлетворить все наши потребности».

С января по сентябрь 1937 г. урхельские фабрики выпустили 5 600 тонн бумаги. Можно взять для сравнения сопоставимый период перед закрытием фабрик в 1936 г., когда они выпустили 4 800 тонн⁷.

Коллективизация жилья

В первые дни и недели Гражданской войны значительная доля жилищного фонда была конфискована различными организациями, участвовавшими в революции. Согласно анархисту Ласарильо де Тормесу:

«В дополнение к объектам первоочередной важности, таким как автомобили, дворцы и промышленные предприятия, народ также конфисковал дома, владельцы которых бежали за границу или были сочтены фашистами. Эти конфискованные здания освободили людей от жизни в нездоровых трущобах и позволили им начать жить по-человечески. Впоследствии они послужили приютом для многих бежавших с территорий, захваченных мятежниками... Семьи тех, кто сражался в траншеях, и другие, кого фашистское варварство заставило бежать к нам в поисках помощи, имели полное право на заселение и особое право – на заселение в дома, принадлежавшие врагу. Нет необходимости говорить, что это жильё было совершенно бесплатным»⁸.

Нет информации о том, как и кем распределялось это жильё среди тех, кто, предположительно, нуждался в нём. Однако ясно, что по мере того, как государство восстанавливало свою власть, оно стремилось взять конфискованные дома под контроль. Правительство Негрина постановило, что, начиная с 1 августа 1937 г., государству должна выплачиваться арендная плата за размещение в этих захваченных зданиях. Это относилось не только к жилым помещениям, но и к тем зданиям, которые были конфискованы различными партиями и профсоюзами. Как прокомментировал Ласарильо де Тормес, «не уточнили лишь одну маленькую деталь: согласятся ли люди платить...»⁹ У нас нет данных относительно того, насколько преуспело правительство в сборе арендной платы.

Шахтёрские коллективы

Большая часть горнодобывающей промышленности Испании находилась в Бискайе (Стране Басков) и Астурии, которые в первый период Гражданской войны были отрезаны от Республики, и в Леоне и западной Андалусии, которые вскоре оказались в руках мятежников. Однако месторождения некоторых видов минерального сырья имелись также в Каталонии и Леванте. На двух из них опыт коллективизации принёс противоположные результаты, не столько по экономическим, сколько по политическим причинам.

Более успешным из этих двух предприятий были пиритовые шахты в окрестностях города Ла-Уньон, на расстоянии около девяти километров от Картахены, в провинции Мурсия Левантийского региона. Эти шахты были закрыты ещё до начала войны, из-за депрессии, и большинство шахтёров осталось без работы. Однако здесь продолжали действовать профсоюзы НКТ и ВСТ.

С началом войны рабочие взяли шахты под свой контроль и занялись восстановлением их работы, при участии обоих профсоюзов. Вначале каждая шахта была коллективизирована по отдельности.

Однако вскоре НКТ предложила, чтобы все шахты были «социализованы», то есть организованы как единое коллективное предприятие. Она столкнулась с упорным сопротивлением ВСТ, который в этом районе контролировался Коммунистической партией. В итоге, на шести шахтах, где НКТ имела большинство, шахтёры решили самостоятельно

провести социализацию.

Они сразу же столкнулись с финансовыми проблемами. Новое социализированное предприятие не имело достаточных средств, чтобы модернизировать оборудование, и поэтому обратилось за помощью к Синдикату рабочих химической промышленности НКТ Бадалоны в Каталонии. Синдикат ответил согласием, при условии, что шахты будут поставлять свою продукцию химическим коллективам Бадалоны. На 50 000 песет, полученных в результате этого соглашения, были приобретены новые машины и оборудование для промывки руды. Шахтёры также решили проблему нехватки транспорта, проложив длинную подвесную дорогу, по которой можно было быстро спускать большие контейнеры, загруженные пиритом, с холмов, где находились шахты, к погрузочному пункту¹⁰.

Коллективу, сформированному добытчиками калия в Сальенте, в Каталонии, повезло меньше. Эти шахты принадлежали иностранной компании, штаб-квартира которой находилась в Париже, но незадолго до начала войны иностранные менеджеры и техники покинули Испанию. После 19 июля рабочие завладели шахтами и избрали контрольный комитет, который пригласил Хуана Фарре, лидера Синдиката работников торговли НКТ Барселоны, на должность управляющего предприятия.

Дела, казалось, шли хорошо, пока коллектив не начал отправлять свою продукцию за границу. До войны 90% добычи шло на экспорт, и Испания давала около 30% калия, продававшегося на мировом рынке. Но теперь, как только продукт оказался на французской территории, акционерное общество «Потасас Иберикас» подало иск в суд, утверждая, что минерал принадлежит ему.

Последовало несколько подобных исков. Ознакомившись с требованиями французской компании, адвокаты рабочего коллектива заявили, что всё её имущество являлось концессией от испанского правительства, позволившего ей добывать калий; и когда компания отказалась от этой концессии, что фактически произошло, когда её представители покинули Испанию, она утратила свои права. По крайней мере некоторые французские суды согласились принять этот аргумент, при условии, что испанское правительство официально объявит о расторжении концессии и передаст шахты рабочему коллективу.

Рабочие обратились к Хуану Пейро, лидеру НКТ, который в то время был министром промышленности, и он внёс это предложение в кабинет Ларго Кабальеро. Министр финансов Хуан Негрин решительно выступил против, говоря, что это вызовет «международные проблемы», и тогда премьер-министр предложил Пейро оформить передачу концессии приказом по своему министерству, не требующим одобрения кабинета. Пейро составил такой приказ, и он появился в «Официальных ведомостях» за несколько дней до отставки правительства Ларго Кабальеро.

Когда вскоре после этого Хуан Негрин стал премьер-министром, одним из его первых дел на новом посту была отмена приказа Пейро. Тогда рабочие шахт провели общее собрание и выдвинули условия, на которых французская компания вернулась бы в Испанию и они вновь

стали бы работать на неё. В Париж была отправлена делегация для ведения переговоров. Состоялись две встречи с представителями компании, и рабочим прямо было сказано, что компания не намерена возвращаться в Испанию, пока не будут созданы «условия личной и правовой безопасности». Представители акционерного общества добавили, что они могут позволить себе подождать два года, которые, как они рассчитывали, потребуются Франко, чтобы выиграть войну и восстановить подобные условия.

В сложившейся ситуации у рабочих не было иного выхода, кроме как закрыть шахты. Небольшую группу рабочих оставили поддерживать шахты в таком состоянии, чтобы вновь открыть их, как только представится возможность, остальные либо ушли в армию, либо были направлены правительством Каталонии на близлежащие объекты общественных работ.

Хуан Фарре завершил свой рассказ о судьбе сальентского шахтёрского коллектива следующими словами: «...Война закончилась, шахты были в отличном состоянии, и компания по возвращении могла сразу же начать их эксплуатировать»¹¹.

Нефтеочистительный коллектив КАМПСА в Каталонии

До Гражданской войны очистка нефти и поставка нефтепродуктов были монополией фирмы, сокращённо называвшейся КАМПСА, основная доля акций в которой принадлежала правительству. Хотя этого не произошло на всей республиканской территории, в Каталонии КАМПСА с началом войны была конфискована рабочими. На общем собрании был избран центральный комитет из шести человек, а рабочие шести секций, осуществлявших различные операции с нефтью – помимо очистки, – избрали своих собственных представителей, чтобы контролировать эти части предприятия. Очевидно, пять очистительных заводов в регионе были по отдельности конфискованы Региональным синдикатом нефти НКТ¹².

Много лет спустя социалист Мартинес Перера, который был секретарём нефтяного совета республиканского правительства, говорил мне, что у него сложилось не слишком благоприятное впечатление об анархо-синдикалистском контроле в каталонской нефтяной промышленности. Он утверждал, что, по крайней мере в первые месяцы войны, коллективы очистительных заводов продавали продукты переработки нефти, но не платили национальному правительству за сырую нефть, которую оно поставляло, и также были должны за многое другое.

В конце концов, вскоре после Майских дней, Мартинес Перера отправился к каталонским нефтяникам с инспекцией. Когда он прибыл на очистительный завод в Сабаделе, производивший авиационный бензин, навстречу ему вышли рабочие, вооружённые автоматами. Лишь после долгих уговоров они разрешили ему войти, чтобы встретиться с главой рабочего совета, управлявшего заводом. Однако он признал, что глава совета

оказался «довольно разумным человеком»¹³.

Коллективы в отрасли общественного питания

Одним из самых больших коллективов, сформированных во время Гражданской войны, был тот, что действовал в сфере гостиничного и ресторанного обслуживания Барселоны. 114 различных заведений были организованы как одно предприятие, которое стало называться Объединением гастрономической отрасли (АИГ). Это предприятие контролировало 30 отелей и пансионатов, три элитных ресторана и пять «второй категории», пять больших кафе-ресторанов и брассери, 52 кафе-бара и множество других мест. В коллективе трудилось около 3 000 мужчин и 1 000 женщин.

АИГ добился многих нововведений. Было создано пять крупных складов: два для продуктов питания, два для посуды и столовых приборов и один холодильный. Также действовали колбасный завод, фабрика мороженого и ещё одна по производству «консервов вообще». При фабрике была открыта теплица, где проводились эксперименты по выращиванию некоторых продуктов, используемых в производстве.

В начале ноября 1937 г. АИГ открыл большое количество «народных столовых», которые предоставляли дешёвое питание. К концу месяца они подавали по 6 тысяч порций в день.

Как и большинство коллективов, АИГ стремился улучшить условия труда своих членов. Сообщалось, что «большинство кухонь подлежат изменению», с целью сделать их более здоровыми, и для работников многих заведений были установлены души.

Гастрономический коллектив Барселоны также занимался вопросами социальной защиты своих членов. Те, кто был болен, получали полную зарплату; те, кто ушёл на пенсию по старости или инвалидности, получали 50% своей прежней зарплаты; женщины получали пятидневный отпуск с полной оплатой, когда им приходилось рожать. Действовала поликлиника, в которой различные специалисты лечили членов АИГ.

Коллектив управлялся советником-делегатом, постоянным комитетом и советом предприятия – все они избирались общим собранием работников. В каждом заведении АИГ были директор-делегат, назначенный советом предприятия, и два советника-делегата, избранных работниками заведения.

АИГ был совместным предприятием ВСТ и НКТ, на котором первому принадлежало большинство. Этот факт отразился на формировании совета предприятия, который состоял из интервента каталонского правительства, десяти членов от ВСТ и пяти – от НКТ¹⁴.

В соседнем городе Оспиталет-де-Любрегат значительная часть заведений общественного питания также была конфискована рабочими. Действовавший здесь Синдикат продовольствия НКТ взял в свои руки всю торговлю пищевыми продуктами, за исключением

трёх кооперативов, которым после жарких споров позволили существовать отдельно. Он также взял под своё управление многие бары и рестораны в городе. Однако держателей мелких баров и ресторанов, не желавших вступать в коллектив, не принуждали к этому, а тем, кто вступил, позволили остаться в своих заведениях в качестве управляющих синдиката.

У Ospitalet-de-Llobregat, где во время войны преобладала НКТ, был собственный секретариат снабжения, с молодым сэнэтистом Хинесом Алонсо во главе. У него были проблемы с Синдикатом продовольствия, особенно по вопросу регулирования цен. Несколько раз ему приходилось вести трудные переговоры с лидерами синдиката, чтобы добиться снижения цен на товары до приемлемого уровня¹⁵.

В Валенсии к гастрономическому синдикату перешли почти все гостиницы, кафе и бары города, в большинстве случаев – по соглашению между бывшими владельцами и работниками. Кроме того, синдикат открыл (как в Барселоне) «общественные столовые», чтобы обслуживать беженцев, наводнивших Валенсию.

Одним из заведений, коллективизированных по договорённости между собственником и работниками, был бар «Баланса», где бывший владелец продолжал работать в качестве кассира коллектива. Позднее власти Франко вернули ему заведение, но когда он отказался назвать активных членов коллектива, его приговорили к 30 годам тюрьмы за «сотрудничество с красными»¹⁶.

Ещё одним коллективом, связанным с продовольствием, являлись «Социализированные мукомольные заводы Валенсии и провинции» (Fabricas de Harina Socializadas de Valencia y Provincia). Они были образованы 1 октября 1936 г. Возглавлял их рабочий совет, состоявший из членов НКТ и ВСТ. В подчинении совета находились несколько секций, занимавшихся приобретением зерна, распределением муки и общим управлением.

Агенты заготовительной секции ездили по сельской округе в поисках запасов пшеницы, и, если верить Гастону Левалю, порой они даже пробирались в районы, контролировавшиеся войсками Франко.

Распределительная секция ежедневно собирала заказы от всех пекарен региона, после чего распределяла и продавала муку, основываясь на «потребностях каждого пекаря и жителей, справедливо и поровну».

С течением войны производить достаточное количество муки становилось всё более сложно. С одной стороны, по мере того как становилось меньше других видов пищи, спрос на хлеб увеличивался. С другой, население Валенсии значительно выросло за счёт прибытия беженцев из других частей страны.

Вдобавок «Социализированные мукомольные заводы» столкнулись с враждебным отношением министра сельского хозяйства, коммуниста Висенте Урибе. Гастон Леваль утверждает: «...Имевшаяся в наличии пшеница скоро была монополизирована министром сельского хозяйства... который должен был рассчитать и предвидеть ситуацию, но, с другой стороны, надолго затянул заключение соглашения с “Социализированными мукомольнями”»:

убей революцию, если не можешь взять над ней верх...»

В ноябре 1937 г. валенсийский мукомольный коллектив направил министру сельского хозяйства меморандум, предлагая четыре шага: «1. Государственная монополия на пшеницу, имеющуюся на лояльной территории Республики. 2. Справедливое её распределение между провинциями, в соответствии с нуждами каждой из них. 3. Установление максимальной цены на пшеницу в размере сорока четырёх песет за метрический центнер... 4. Немедленный импорт государством пшеницы из других стран (Россия, Аргентина и др.) для удовлетворения нынешних потребностей».

Согласно Левалю, на эти предложения «правительство ответило молчанием... Для него было достаточно ежедневно печатать прокламации, возвещавшие о неизбежном поражении фашизма. Наконец, наступил момент, когда пшеницы и муки стало не хватать». Он добавляет: «Но если в Валенсии всё ещё возможно было выпекать хлеб, то народ был обязан этим “Социализированным [мукомольным] заводам”»¹⁷.

Коллектив общественных зрелищ Барселоны

Как и бóльшая часть экономики Барселоны, индустрия развлечений была коллективизирована, вначале стихийно, работниками каждой части данного сектора, а затем решением общего собрания Синдиката общественных зрелищ НКТ. Коллективизация охватила кинозалы, драматический театр, музыку (включая оперу), корриду, цирк, корты для игры в баскский мяч (хай-алай) и собачьи бега.

Сразу же после начала войны перед профсоюзом НКТ встала моральная проблема: стоит ли продолжать те зрелищные мероприятия, на которые делаются ставки, – собачьи бега и хай-алай. Наконец, было решено их продолжить, отчасти чтобы сохранить рабочие места, отчасти вследствие общественного спроса. Правительство Каталонии также поощряло их проведение, так как получало значительный доход по налогам на ставки.

Общественные развлечения на первом этапе войны координировались экономическим комитетом синдиката. Он отвечал за перераспределение средств от тех секторов, которые были преуспевающими, к тем, которые имели дефицит. Постоянно процветающими сегментами были кинотеатры и зрелищные мероприятия, связанные с денежными ставками. Заработанные ими средства использовались для субсидирования драматического театра, музыкальных и оперных представлений и цирка, которые обнаруживали тенденцию к дефициту.

Синдикат стремился сделать театр и музыку более доступными для широкой публики. Решения о том, какие ставить пьесы, исполнять концерты и давать оперы, не основывались на том, окупятся ли подобные представления.

Возглавлявший секцию собачьих бегов синдиката Хосе Робустер, который описывал коллектив общественных зрелищ Виктору Альбе, обрисовал механизм принятия решений: «Экономический комитет получал предложение, создавалась комиссия из актёров, музыкантов, авторов, которая докладывала о работе или проекте, и если доклад был благоприятным, изыскивались средства для финансирования, даже когда предвиделся дефицит. Авторские отчисления продолжали платить как обычно...» Робустер также настаивал, что идеологические и политические соображения не влияли на эти решения и что «военные пьесы» никогда не предлагались.

Перед войной, из-за последствий депрессии, наблюдалась обширная безработица среди актёров, музыкантов и других творческих лиц. Однако в течение войны она стала незначительной либо вовсе исчезла.

Одним из наиболее спорных было решение, принятое общим собранием в самом начале войны, что каждый работник в сфере общественных развлечений должен получать установленную плату, 15 песет в день – на пять песет больше, чем довольствие республиканского милиционера на фронте. Хотя она была больше, чем самая низкая зарплата в этой сфере перед войной, она также была далека от самой высокой.

Больше всего уравнительной системой оплаты труда были недовольны актёры, музыканты и тореадоры. Хотя большинство актёров и музыкантов состояло в НКТ, когда была объявлена обязательная синдикализация, меньшинство актёров сформировало профсоюз ВСТ. Кроме того, работники кортов, которые в большинстве своём приехали из Мадрида, где они принадлежали к ВСТ, остались членами ВСТ и в Барселоне.

Тореадоры представляли собой особый случай. Во время войны устраивалось мало корридов, но их участники, как и все в индустрии развлечений, получали свои 15 песет в день. И всё же однажды, когда пришла пора проводить бой быков, они потребовали себе гораздо более высокую зарплату, чем та, к которой они привыкли, – но не получили её.

Лишь немногие работодатели, действовавшие в этой области, бежали, скрывались или исчезли. Остальные были включены в коллектив и получали ту же зарплату, что и все. В некоторых случаях они продолжали управлять тем заведением, которое принадлежало им до революции, в других – им давали иную работу.

В каждом из заведений продолжал действовать профсоюзный комитет по жалобам, функции которого остались без значительных изменений. Если между комитетом по жалобам и работниками, избранными на руководящие должности, возникали разногласия, вопрос выносился на рассмотрение исполнительного комитета синдиката, а не экономического комитета, который в некотором роде выступал в роли работодателя.

После майских событий в Барселоне правительство Каталонии, под влиянием сталинистов из ОСПК, назначило экономический комитет общественных зрелищ, который должен был занять место экономического комитета синдиката. Хотя профсоюз резко возражал против этого, в конце концов он уступил после уговоров каталонского регионального комитета НКТ18.

Коллективизация в стекольной промышленности

Стекольная промышленность Барселоны и её окрестностей также была коллективизирована. С началом войны отдельные предприятия перешли в руки рабочих. Однако данная отрасль состояла главным образом из небольших кустарных мастерских, и для задач военного производства необходимы были более крупные и более эффективные предприятия. Поэтому Синдикат стеклоделов на общем собрании решил, что все предприятия, кроме двух или трёх самых крупных, должны быть закрыты, а их оборудование и персонал перемещены. Последнее слово по вопросу закрытия оставалось за собраниями рабочих каждого отдельного завода, и очевидно, ни один коллектив не проголосовал против реорганизации.

На каждом заводе стекольной промышленности регулярно проходили собрания рабочих. Синдикат также проводил свои общие собрания один раз в три месяца или чаще, если это требовалось. Но кроме того, каждое заводское собрание избирало своего делегата в синдикат, и когда синдикат должен был принять какое-либо решение – например, о закрытии завода, – исполнительный орган синдиката обсуждал его с делегатами соответствующих заводов. После этого, если было необходимо, созывались собрания завода и синдиката, чтобы принять окончательное решение по вопросу.

Рабочие стекольной промышленности ввели множество улучшений в период коллективного владения. Так, секретарь синдиката, вернувшись на свой завод после окончания боёв в Барселоне в июле 1936 г., узнал, что рабочие уже решили перейти с производства парфюмерных флаконов на изготовление небольших бутылок для напитков, предназначавшихся милиционерам на фронте. Много лет спустя секретарь говорил, что изменения такого рода были вполне в духе рабочих.

Бывали случаи, когда бывший владелец оставался на должности управляющего после того, как завод переходил к рабочим. Так произошло на заводе «Уньон Видриера № 7» в Сан-Висенте-дель-Сольесе, которым управлял, по описанию экс-секретаря профсоюза НКТ, «ревностный католик, но при всём этом вполне порядочный человек», и до войны хорошо относившийся к своим рабочим. (Его внуки, 45 с лишним лет спустя, всё ещё управляли предприятием¹⁹.)

Одной из частей стекольной промышленности, получившей некоторую известность благодаря пропаганде НКТ, было производство оптического стекла. Рабочие в этом производстве, очевидно, не были объединены в профсоюз к началу войны, но единогласно решили вступить в Синдикат стеклоделов НКТ. В данном сегменте было занято почти 4 000 рабочих.

Коллективизация в производстве оптического стекла произошла не сразу. Вначале были созданы контрольные комитеты на каждом из предприятий и комитет по связям оптической секции, с целью «унифицировать цены, наладить распределение фондов и разрешить

возникшие трудности и конфликты».

В начале ноября состоялась встреча представителей рабочих и собственников, на которой были выработаны условия коллективизации, и 6 ноября 1936 г. эти условия были приняты на отдельной встрече работодателей. Был создан центральный комитет распределения, предположительно находившийся в подчинении оптической секции Синдиката стеклоделов, чтобы осуществлять планирование по всей отрасли в районе Барселоны.

Среди нововведений коллектива были открытие мастерских по производству кожаных и целлулоидных футляров для очков и установка стеклоплавильной печи для изготовления линз для очков.

К инновациям подталкивало то обстоятельство, что до войны большая часть сырья для производства стекла ввозилась из-за границы. Необходимо было попытаться заменить экспортные материалы отечественными везде, где это было возможно. Но, даже с учётом этого, промышленность страдала от нехватки сырья в течение всей войны.

До войны зарплата находилась в пределах 70–80 песет в неделю для рабочих и 350–500 песет в месяц для служащих, а отдельные управленцы получали 700–800 песет в месяц. Кроме того, на некоторых предприятиях были долгий рабочий день и сдельная оплата труда. Сразу после начала войны для работников была установлена заработная плата 400 песет в месяц, как для мужчин, так и для женщин, с надбавкой на каждого члена семьи, находящегося у них на содержании. К январю 1938 г. месячная зарплата увеличилась до 700 песет. Сдельщина была отменена²⁰.

Профсоюз стеклоделов НКТ в Валенсии также «социализировал» свою отрасль в апреле 1937 г. Это было сделано, как сообщала НКТ-ФАИ, путём заключения «пакта» с работодателями. Здесь было два сравнительно крупных завода и множество небольших. Эти мелкие предприятия, считавшиеся неэкономичными, были закрыты, их оборудование описали и передали на другие промышленные объекты, а бывшим владельцам была выплачена компенсация. Всего на этих заводах было около 230 рабочих, и ещё 100 во время социализации находились на фронте.

При рабочем контроле высшим органом являлось общее собрание. Также действовали рабочий совет, бухгалтерский комитет, технический комитет и местные комитеты на каждом предприятии. За первые шесть месяцев работы в социализированной отрасли были сделаны усовершенствования, которые повысили стоимость её капиталов со 100 до 225 тысяч песет. Одновременно были погашены все долги, числившиеся за прежними владельцами.

Недельная зарплата существенно увеличилась, с 65 до 90 песет в среднем. Кроме того, рабочим, уволившимся по старости, стали выплачиваться пенсии. Наконец, ранее, «как и на многих других социализированных предприятиях... наблюдалось самое плачевное состояние в области гигиены, рабочие не имели помещений, где можно было бы переодеться и удовлетворить другие потребности. Сегодня у этих товарищей есть великолепные душевые, индивидуальные шкафы для одежды и места для переодевания, а также аптечки скорой

Коллективизация поставок молока в Барселоне

Среди коллективов, которыми НКТ гордилась больше всего, был и тот, что занимался поставками молока в Барселоне. До войны это дело было организовано достаточно примитивно. Фирмы, продававшие молоко, обычно отправляли грузовики, чтобы забрать бидоны у фермеров, обращая мало внимания на санитарные условия. Ко времени начала войны эти компании были должны фермерам плату за три месяца.

После 19 июля молочная секция Синдиката продовольственной отрасли НКТ взяла в свои руки значительную часть молочных поставок. Профсоюз построил в Каталонии семь молокоприёмных пунктов с охладителями, куда окрестные крестьяне каждый день привозили своё молоко. К концу 1937 г. один из этих пунктов, находившийся во Франкесасе, регулярно получал молоко от 600 крестьян и собирал около 25 тысяч литров в день.

Профсоюз также решил проблему транспортировки молока с этих приёмных пунктов в Барселону, для пастеризации и последующего распределения. Он приобрёл 16 новых шасси, на основе которых были собраны рефрижераторы вместимостью 3, 5 и 6 тысяч литров. Когда молоко попадало в Барселону, его привозили на один из девяти молокозаводов – до войны их было 60, – где оно пастеризовалось, разливалось по бутылкам, которые закупоривались автоматически, и затем вновь охлаждалось.

С этих заводов молоко распределялось по пунктам выдачи, которые были устроены профсоюзом по всему городу и имели собственные холодильники. Молоко, предоставляемое синдикатом, предназначалось в первую очередь для больных и детей младше двух лет. Профсоюз ежедневно распределял около 45 тысяч литров молока, но помимо этого ещё 10 тысяч литров продавалось частными фирмами, которые работали на довоенных условиях.

Частью коллектива молочников был завод в Пучсерда, в северной Каталонии, производивший главным образом сгущённое молоко. Однако во время войны у него возникли трудности с получением сахара, и в результате он перешёл на изготовление сливочного масла и сыра, в основном для нужд армии.

НКТ утверждала, что детская смертность значительно снизилась за время войны – благодаря улучшению молочного снабжения коллективом НКТ22.

Система доставки, обработки и распределения молока, организованная в Барселоне, по большей части продолжала действовать и после окончания конфликта, но, естественно, уже без участия НКТ23.

Кооператив шоколадников в Торренте

Ещё один коллективный проект, широко освещавшийся анархистами, был осуществлён изготовителями шоколада в Торренте, небольшом городе в провинции Валенсия. До войны здесь было 45 небольших предприятий, по несколько работников на каждом, производивших шоколадные продукты разных видов. 1 сентября 1936 г. местная НКТ провела собрание работников и работодателей этой мелкой промышленности, где единогласно было решено образовать Кооператив шоколадников Торренте. Новая организация немедленно приступила к строительству единой большой фабрики, недалеко от железной дороги. Было установлено сорок аппаратов, одни из которых были переданы бывшими владельцами, а другие – приобретены кооперативом. На новой фабрике они давали значительно больше продукции по сравнению с тем, что раньше могли производить мелкие разрозненные мастерские, и контроль качества был гораздо более тщательным, чем в прошлом. Были выпущены новые серии продуктов.

На общем собрании кооператива, вскоре после открытия фабрики, кем-то было предложено значительно увеличить заработную плату. Однако подавляющее большинство присутствующих посчитало это неразумным, по крайней мере до тех пор, пока кооператив не начнёт приносить прибыль.

Шоколадный кооператив управлялся трудовым советом из шести членов, избранных на общем собрании всех членов организации²⁴.

Коллективы обувщиков и кожевников

Кожевенная и обувная промышленность была важной частью экономики средиземноморских районов Испании, в особенности Леванта. Депрессия в годы, предшествовавшие Гражданской войне, стала для неё тяжёлым ударом.

Вероятно, крупнейшим центром кожевенного и обувного производства был город Эльда (25 тысяч жителей) в провинции Аликанте. Кроме самой Эльды, где насчитывалось 7,5 тысяч обувщиков (из которых 4,5 тысячи были в НКТ), обувные и кожевенные фабрики находились в близлежащих городах Петрель, Моновар, Новельда и Сакс. В первом из них было 3,5 тысячи рабочих, а в трёх остальных, вместе взятых, – 2 тысячи.

Во время войны НКТ и ВСТ работали сообща, и наблюдалось два разных подхода к коллективизации кожевенно-обувной промышленности Эльды и её окрестностей. С одной стороны, в самой Эльде было 12 фабрик с 2,8 тысячами рабочих, которые были полностью коллективизированы. Каждой из них управлял комитет из шести человек, избранный общим собранием её рабочих. Профсоюз НКТ собирал статистику по этим 12 фабрикам и занимался распределением продукции. Эти фабрики работали, главным образом, по заказам Министерства обороны.

С другой стороны, остальные 80 обувных и кожевенных фабрик района с 12,5 рабочими внешне оставались в руках своих владельцев, и на каждой из них существовал контрольный комитет, наблюдавший за деятельностью руководства. Но эти фабрики 1 августа 1936 г. были объединены в Синдикат обувной промышленности Эльды и Петреля (СИСЭП). Он был

сформирован по инициативе частных владельцев, но профсоюзы НКТ и ВСТ вскоре потребовали для себя 60-процентного представительства в этой организации, и, согласно Гастону Левалю, в ней фактически стали преобладать рабочие.

СИСЭП координировал обувное производство Эльды и окрестностей, он приобретал и распределял сырьё, продавал продукцию, создав широкую сеть сбыта, не только в обоих сегментах лоялистской Испании, но также в Алжире и Французском Марокко. Его операции первоначально финансировались за счёт займов (под залог недвижимости частных фабрик), полученных в местных банках, и семимиллионного кредита, предоставленного сэнэтистом Хуаном Пейро, который тогда занимал пост министра промышленности²⁵.

Примерно таким же образом поступили обувщики и кожевники Валенсии, которых было около тысячи на 30 фабриках. Профсоюзы НКТ и ВСТ в этом городе не стали коллективизировать отрасль, а вместо этого провели интервенцию, создав Местный совет обувной и кожевенной промышленности. Совет координировал работу отрасли, отвечая за приобретение и распределение сырья, а также сбыт продукции, в то время как формально предприятия продолжали принадлежать частным владельцам.

Хотя в кожевенно-обувной промышленности Валенсии полная или частичная безработица приобрела значительные размеры, через 15 месяцев после начала войны сообщалось, что все рабочие были трудоустроены. Зарплата по сравнению с 19 июля повысилась в полтора раза, и условия труда были улучшены во многих отношениях, включая устройство душевых и шкафов для одежды²⁶.

Одна из обувных фабрик Валенсии была коллективизирована по соглашению между собственником и рабочими, и её прежний владелец, Эрнесто Феррер, стал советником при директивно-административном комитете коллектива. Позже он был включён в состав делегации, направленной фабричным комитетом с деловой целью в Париж, и, находясь там, сообщил остальным членам делегации, что не будет возвращаться в Испанию. После войны он, будучи уже функционером Фаланги, вернулся, однако не стал отдавать под суд или увольнять кого-либо из рабочих. Тем не менее он посоветовал некоторым из них, игравшим главную роль в коллективе, «затаиться», чтобы защитить себя. Когда какой-нибудь фалангист приходил на фабрику, интересуясь тем или иным работником, Феррер держал гостя у себя в кабинете, пока помощник «искал» этого человека, и всякий раз оказывалось, что в этот день он не вышел на работу²⁷.

Вскоре после начала Гражданской войны профсоюз кожевников НКТ в Барселоне на общем собрании решил полностью коллективизировать отрасль в городе, включая крупные, средние и мелкие предприятия. Работодателей собрали и проинформировали об этом решении. Это был первый коллектив, зарегистрированный в соответствии с каталонским декретом о коллективизации.

Рабочие решили слить мелкие мастерские в более крупные предприятия. Около 40 мелких предприятий было, таким образом, ликвидировано, и осталось 27 фабрик под контролем коллектива. Кроме того, имелось шесть складов для сырья и готовой продукции. Один из секторов коллектива отвечал за оптовую и розничную продажу, и была введена подробная

система бухгалтерского учёта, позволявшая отслеживать потребности в материалах и реализацию продукции коллектива.

На протяжении значительной части войны коллективу удавалось приобретать во Франции сырьё, которое дополняло то, что можно было найти в лоялистской Испании. Однако в конце концов правительство Негрина наложило на это запрет, следуя своей политике по разрушению коллективов²⁸.

Коллективное обувное предприятие гораздо меньшего размера находилось в каталонском городе Лерида. Сразу после начала войны группа рабочих, вместе с владельцем небольшой мастерской и его сыном, создала Коллектив сапожников Лериды. К концу 1937 г. в нём было 38 рабочих, большинство из которых работали в одном помещении. Коллективом управлял комитет из шести членов, трёх от НКТ и трёх от ФАИ, избранных собранием рабочих.

Перед войной практически вся работа выполнялась будущими членами коллектива вручную. Но к ноябрю 1937 г. коллектив имел уже 23 машинки, четыре из которых арендовались, а остальные принадлежали ему. Однажды в конце этого года коллектив за три недели изготовил около 500 пар обуви. Кроме того, бойко шёл ремонт обуви.

В начале ноября 1937 г. Лерида подверглась бомбардировке с воздуха. Это заставило закрыть фабрику на две недели, но рабочие в этот период продолжали получать зарплату.

Устанавливая размер заработной платы в леридском коллективе, анархисты не стали применять на практике свои эгалитарные идеи. Тарифная сетка предусматривала выплату 90 песет в неделю рабочим, от 45 до 65 песет работницам и 20 песет ученикам.

Большую часть продукции леридского коллектива составляли солдатские ботинки, которые покупало каталонское правительство. Однако, по словам Гастона Леваля, незадолго до исчезновения коллектива каталонский советник по экономике, сталинист Хуан Коморера, отказался заплатить за обувь, полученную правительством. Рабочие коллектива были вынуждены жить за счёт ограниченных продаж на гражданском рынке и продуктов со своих огородов. Вскоре после этого Франко захватил Лериду, что привело к окончательной ликвидации коллектива²⁹.

Судостроительный коллектив «Уньон Наваль де Леванте»

Верфь «Уньон Наваль де Леванте» занималась строительством и ремонтом кораблей в Валенсии, и на ней работало 1 400 человек, приблизительно поровну разделённых между НКТ и ВСТ. Она была конфискована рабочими вскоре после начала войны. Был избран комитет верфи, включавший по два представителя от каждой из 21 секций, на которые делилось предприятие. Этот орган выбрал рабочий комитет из семи человек, которые, наряду с двумя администраторами, отвечали за текущую работу «Уньон Наваль».

Во время конфискации верфи на ней строились три судна: мексиканская канонерская лодка и два нефтяных танкера для КАМПСА. Канонерка, которая была уже почти завершена, была передана мексиканским властям в августе 1936 г. Строительство танкеров было приостановлено, и верфь сосредоточилась на ремонте и на строительстве малых судов.

«Уньон Наваль» к тому времени, когда её захватили рабочие, несла значительные убытки. К концу второго полугодия рабочего контроля она приносила небольшую, но ощутимую прибыль. Кроме того, за этот период коллективу удалось заменить многие изношенные машины и другое оборудование.

Условия труда заметно улучшились, в частности, для рабочих были устроены душевые и гардеробы. Коллектив также открыл поликлинику с двумя докторами, где рабочие могли получить необходимое лечение, включая операционное³⁰.

Коллективизация торговли в Валенсии

Единый синдикат торговли НКТ коллективизировал немалую долю торговли в Валенсии. Профсоюз был разделён на секции, которые осуществляли продажу значительного числа различных товаров. Кроме того, Единый синдикат торговли, совместно с отделениями ВСТ, реорганизовал главный продовольственный рынок города.

Продовольственная секция синдиката, которая состояла преимущественно из владельцев небольших овощных магазинов, в большинстве своём не имевших наёмных работников, решила коллективизировать эти заведения. Через год после начала войны этот коллектив контролировал более 80% продуктовых магазинов. 70 магазинов были признаны антисанитарными и закрыты, но в то же время, с целью удовлетворения потребностей населения, коллектив открыл 29 новых торговых точек в разных частях города. Как свидетельствовала НКТ, новые магазины «не только отвечали всем нуждам, для которых они были предназначены, но и были оснащены всем современным оборудованием». Эта секция Единого синдиката включала 950 членов, все они получали зарплату от коллектива.

75 членов мясной секции профсоюза также сформировали коллектив. Источники НКТ подчёркивали, что, когда рабочие этой секции стали получать регулярную плату, у них убавилось желание обманывать своих покупателей. Другими группами, сформировавшими коллективы, были секция торговцев яйцами и курами и секция продавцов чеснока и лаймов³¹.

Важной секцией Единого синдиката торговли была угольная. Собрание её членов в конце сентября 1936 г. решило социализировать распределение и продажу угля в городе. Как и во многих других сферах деятельности, члены НКТ стремились рационализировать поставки угля. Во-первых, мелких торговцев, для которых продажа угля была второстепенным занятием, попросили выбрать, на каком деле они хотят сосредоточиться, и если это будет доставка угля – стать частью коллектива; если же что-то иное – передать коллективу свой угольный бизнес. Во-вторых, многие нерентабельные торговые пункты были закрыты, и на смену им пришли более крупные и, как предполагалось, более эффективные. Кроме того,

коллектив обратил особое внимание на доставку угля в отдалённые районы города, где она раньше была в лучшем случае эпизодической, используя для этого небольшой парк собственных транспортных средств.

Коллектив создал центральный распределительный пункт, на который первоначально поступал уголь. В разных концах города были обустроены помещения, где угольщики в рабочее время оставляли свою уличную одежду и где они могли помыться, когда была закончена их дневная смена на этой довольно грязной работе.

Спустя год с лишним после создания угольного коллектива наибольшую гордость у его участников вызывал тот факт, что цена на уголь, распространявшийся в Валенсии, не выросла за время войны. Это резко контрастировало с ситуацией в Барселоне, Мадриде и других больших лоялистских городах³².

Наконец, 1 февраля 1937 г. Федерация работников распределения (Federación de los Trabajadores de la Distribución) приняла под своё управление основной оптовый продовольственный рынок Валенсии. В этой новой федерации участвовали городские профсоюзы работников торговли и транспорта НКТ и ВСТ, а также региональные федерации сельского хозяйства обеих профорганизаций. Согласно источникам НКТ, рабочая администрация уделяла особое внимание борьбе с наценками розничных торговцев, приобретавших здесь товары, защите от общеизвестных методов мошенничества и поддержанию чистоты на рынке. НКТ утверждала, что цены на профсоюзном рынке оставались значительно ниже тех, что существовали на конкурирующем частном оптовом рынке, который был меньше по размеру, но всё ещё действовал.

Федерация работников распределения также улучшила условия труда для членов коллектива. Были построены новые и более современные конторы, установлены новые души и туалеты для работников³³.

Консервный коллектив Лорки

Одним из коллективов, которые анархисты приводили как образцовый пример рабочего контроля, было консервное предприятие в Лорки, посёлке примерно в 30 километрах от города Мурсия. Этот завод ранее принадлежал графу ла Сьерва, который прославился своими плохими отношениями с рабочими и реакционной политикой. В 1934 г. он закрыл предприятие из-за депрессии.

В начале войны рабочие из НКТ и ВСТ заняли завод и приступили к его восстановлению. В окрестностях выращивалось достаточное количество фруктов и овощей, а первоначальная нехватка сахара и консервных банок, по-видимому, была преодолена коллективом. К февралю 1938 г. завод выпустил 80 тысяч ящиков консервированных томатов и 40 тысяч ящиков апельсиновой мякоти и других фруктов.

Хотя правительство официально интервенировало этот завод, фактически он оставался под управлением контрольного комитета, избранного рабочими. Коллектив являлся совместным

предприятием НКТ и ВСТ34.

Коллективизация в издательском деле

По крайней мере некоторые издательства в Барселоне были захвачены рабочими. Так произошло, например, с «Графика Риэссе», принадлежавшим французу. Когда издательство было конфисковано, бывший владелец явился туда, одетый как рабочий. Однако новый контрольный комитет отказался признать его полномочия и отправил его обратно в Тулузу, где у него была другая типография. Контрольный комитет также уволил управляющего, который был непопулярен среди рабочих.

Одной из первых мер коллектива было резкое снижение зарплаты работникам администрации, и, как следовало ожидать, это не привлекло их симпатии на сторону революции. Коллектив решил сохранить неравенство в оплате труда мужчин и женщин, хотя Антония Фонтанильяс, дочь редактора анархической газеты «Рабочая солидарность», стала лидером работниц и добилась для них существенного повышения зарплаты. Далее, обсуждался вопрос о том, следует ли установить единую зарплату для всех рабочих, но в итоге этого не сделали, в частности сохранились различия в зависимости от стажа. Сеньорита Фонтанильяс, кроме того, стала представителем издательства в барселонском профсоюзе издательского дела НКТ.

В издательстве «Рабочей солидарности» после начала войны было решено ввести одинаковую зарплату для всех, от редактора до самого неквалифицированного рабочего. До войны зарплата редакторов и других административных работников была значительно выше, чем у обычных рабочих³⁵.

Парикмахерский коллектив Барселоны

В то время существовали коллективы, которые кто-то считал нелепыми, но которыми сама НКТ весьма гордилась, и одним из них был коллектив парикмахеров Барселоны. К 19 июля в городе было около 1 100 парикмахерских, многие из которых работали в антисанитарных условиях и очень мало платили своим работникам. Значительное число парикмахеров были безработными.

На общем собрании союза парикмахеров НКТ, прошедшем вскоре после начала войны, было решено коллективизировать парикмахерское дело. Мнения владельцев не спрашивали, и очевидно, некоторые из них были резко против. В то же время многие из них стали членами коллектива.

В отрасли была проведена рационализация. Число парикмахерских сократилось с 1 100 до 235, и принадлежности закрытых заведений были использованы для расширения обслуживания в оставшихся или для замены в них износившихся инструментов.

При новом режиме парикмахерские были открыты с восьми утра до девяти вечера и работали в две смены по шесть с половиной часов. В каждой парикмахерской были два делегата, которые относили дневную выручку в профсоюз и каждую субботу в полдень забирали зарплату для всех работников своего заведения.

Значительная экономия на арендной плате, освещении и других затратах, за счёт закрытых парикмахерских, позволила увеличить зарплату. Она была одинаковой для всех членов коллектива.

Коллектив ликвидировал безработицу среди барселонских парикмахеров. В его состав вошли не только бывшие наёмные работники, но также бывшие владельцы и вдовы членов профсоюза, которые получили работу в разных парикмахерских³⁶.

Британец Франк Еллинек в августе 1937 г. писал, что даже публичные дома в Барселоне были коллективизированы, ссылаясь на Эдуардо Барриоберо, адвоката НКТ, занимавшегося реорганизацией каталонской юстиции в первые недели Гражданской войны. Еллинек отмечал, что анархисты первым делом начали кампанию против проституции, которая включала в себя размещение «ужасающих антивенерических плакатов», изданных «Свободными женщинами». По его наблюдению, анархисты пытались подойти к проблеме с двух сторон: «преобразование общества, которое породило проституток и сделало их отверженными, и “психо-терапевтическое перевоспитание” самих проституток».

Однако далее Еллинек говорит: «Бордели фактически были коллективизированы. Эдуардо Барриоберо объяснил, как это произошло. Однажды ночью Хенералидад отправил к нему комиссию девушек, которые попросили его установить приемлемые расценки. “Любовь, – ответил он, – не может быть товаром, подлежащим оценке. Давайте поступим более практично. Давайте создадим профсоюз любви, и тогда вы сможете экспроприировать своё дело и выгнать мадам вон”. – “Как ни странно, – отмечает Барриоберо, – такие профсоюзы были организованы на полном серьёзе – Синдикатом устроителей банкетов!”»³⁷

Некоторые примеры коммунализации

В некоторых местах лоялистской Испании, особенно в небольших городах и посёлках, анархистам удалось не только коллективизировать отдельные отрасли, но и установить планирование и координацию всей местной экономики через организации трудящихся. В этих случаях им удавалось ближе, чем в крупных городах, подойти к своему идеалу: профсоюз как основа реорганизации экономики и местная коммуна как основа устройства революционного общества.

Неизвестно, сколько таких экспериментов было предпринято за время Гражданской войны. Однако, как я указывал в главе 13, они в первый год войны были довольно широко распространены в тех частях Арагона, которые контролировались анархистами. В данном разделе я рассмотрю один пример в Каталонии и два в Левантийском регионе.

В каталонском посёлке Росас коллективизация была всеобщей. Основным занятием жителей была рыбная ловля, и коллектив рыбаков был создан одним из первых. В него вошли как наёмные работники, так и собственники, последние – не всегда добровольно. На окраине посёлка располагался сельскохозяйственный коллектив, включавший в себя всех местных крестьян. И в рыболовном, и в сельскохозяйственном коллективе каждый член получал одинаковый базовый доход, с доплатой на каждого члена семьи, находящегося у него на содержании.

В дополнение к этим двум были созданы коллективы пекарей, механиков, плотников и другие. Все коллективы были представлены в экономическом совете, который координировал экономику всего посёлка и оказывал помощь финансово слабым коллективам на средства тех, что находились в лучших условиях.

Все коллективы были созданы членами НКТ. Представители НКТ и «Левых республиканцев Каталонии», единственных значимых политических групп в посёлке, составляли муниципальный совет, который отвечал за снабжение. Он закрыл все частные магазины и создал кооперативные распределительные пункты, где работники покупали товары за особые купоны. Часть зарплаты выдавалась в этих купонах, а часть – в деньгах³⁸.

Сходным образом развивались события в городе Вильена-де-Валенсия, с населением около 25–30 тысяч человек. Здесь была создана коммуна, охватывавшая целую комарку, центром которой была Вильена-де-Валенсия. Когда началась война, ВСТ преобладал среди местных сельских тружеников, а НКТ – среди городских рабочих.

Большинство помещиков бежали с началом войны, и на их землях были организованы коллективы, хотя мелких землевладельцев, которые остались на своих участках и не хотели вступать в коллективы, не принуждали к этому. Кроме сельскохозяйственных, согласно источникам, было организовано 14 городских коллективов. Они занимались обработкой дерева, металла, кожи, хлебопечением, изготовлением вина и алкогольных напитков и текстильным производством. Все коллективы были представлены в Регулирующем совете экономики (Consejo Regulador de Economía), совместно созданном НКТ и ВСТ. Этот орган контролировал всю местную экономику. Он имел исключительное право продавать за пределы комарки товары, произведённые в ней. Зарплата всем работникам во всех отраслях выплачивалась советом; вся прибыль передавалась совету.

Состояние экономики было выравнено. Совет использовал прибыль от тех отраслей, которые работали успешно, чтобы помочь тем, у кого дела шли плохо; зарплата для всех была одинаковой – вначале приравненная к жалованью солдата на фронте, позже она была значительно увеличена.

Значительное большинство предприятий в данном районе, как сообщалось, преуспевали в финансовом и экономическом отношении. В деревообрабатывающей промышленности, к примеру, все фирмы к началу войны испытывали трудности; у большинства из них были серьёзные долги. Коллектив погасил эти долги, и к концу войны все мастерские были в лучшем состоянии, чем на её начало.

В большинстве случаев бывшие собственники были включены в состав коллективов на правах работников. В той же деревообработке председателем коллектива был член НКТ, секретарём – бывший собственник, казначеем – член ВСТ, и было четверо других членов выборного исполнительного органа, три из которых являлись бывшими собственниками.

Собственник, который стал секретарём деревообрабатывающего коллектива, спустя годы рассказывал такую историю: у него была хилая кошка, которую кто-то украл. Вор хорошо откормил эту кошку, а потом вернул её. Он был благодарен за то, что кошка раздобрела, но всё же не мог забыть, что она была украдена. Под кошкой, естественно, подразумевалась его фирма.

В Вильена-де-Валенсии не предпринимались попытки рационализировать производство, как происходило во многих других местах. Тем не менее в местной текстильной отрасли, которая к началу войны имела небольшие объёмы, фабрики значительно увеличились в размере. Они изготавливали рубашки и нижнее бельё для армии³⁹.

Коммунизация, которой сторонники НКТ больше всего гордились и о которой они впоследствии много писали, произошла в Алькое, с населением 45 000, втором по размеру городе провинции Аликанте.

Хотя здесь существовали профсоюзы ВСТ, с общим числом членов около 3 000, в основном среди гражданских служащих и мелких торговцев, именно НКТ, с 6 500 членов, «контролировала самые существенные экономические функции, необходимые для общественной жизни». Профсоюзы НКТ включали в себя работников пищевой и бумажно-картонной промышленности, строительства (включая архитекторов), гигиены, транспорта, коммунальных служб, ремонта и чистки обуви, текстильного и швейного производства, металлургии, интеллектуального труда (учителя, художники, писатели) и овощеводов в окрестностях города.

Именно профсоюзы НКТ начали коллективизацию, каждый в своей отрасли местной экономики. Гастон Леваль подчёркивал анархо-синдикалистскую и антибюрократическую природу экономических организаций в Алькое в годы Гражданской войны: «Всё контролировалось синдикатами. Но не стоит исходя из этого предполагать, что несколько высших бюрократических комитетов принимали все решения, не советуясь с рядовыми членами профсоюза. Здесь также практиковалась либертарная демократия. Как и во всей НКТ, здесь существовала двойная взаимно-обратная связь: от основания, от масс рабочих, членов профсоюзов и активистов – вверх и в другом направлении – влияние федерации на эти местные единицы, идущее вниз через все уровни. От начала и обратно к началу...» На каждом уровне действовали администраторы, избранные соответствующим общим собранием трудящихся.

На вершине экономической структуры Алькоя находился Синдикальный административный комитет. Каждая отрасль имела в нём своих представителей. Леваль описывал его функции:

■

«Когда секция сбыта получала заказ, она передавала его в производственную секцию, в задачу которой входило решить, какие мастерские лучше всего оснащены для производства требуемых товаров. Уладив этот вопрос, она заказывала сырьё из соответствующей секции. Последняя передавала указания на склады, которые предоставляли материалы, и наконец, детали об операции приходили в секцию закупок, которая, таким образом, могла восполнить израсходованный материал»⁴⁰.

Городские коллективы в Астурии

О коллективах, созданных в Астурийском регионе, писали мало. Тем не менее очевидно, что в первые дни и недели Гражданской войны здесь в широком масштабе происходили захваты промышленных и торговых предприятий рабочими. НКТ предпочитала рассматривать этот процесс как временный, ожидая, что после успешного завершения войны будет принято окончательное решение.

Рональд Фрейзер отмечает:

“ «В... городе стали – Ла Фельгере, традиционном оплоте НКТ, анархо-синдикалисты не предпринимали попыток коллективизировать сталелитейную компанию “Дуро-Фельгера”, в которой работало около 4 000 человек. Как и в октябре 1934 г., был создан рабочий контрольный комитет, полностью состоявший из активистов НКТ, которые вскоре обнаружили, что производству препятствовала потеря инженеров, многие из которых бежали или скрывались. Двух политически надёжных инженеров компании отыскали на заводах Бильбао, и они вернулись, когда их попросили войти в рабочий комитет, который не осуществлял техническое руководство работами, но оказывал значительное влияние на тех, кто этим занимался»⁴¹.

Постфранкистская региональная газета НКТ «Либертарное действие» сообщила:

“ «НКТ стремилась подчинить профессиональной и экономической администрации синдиката те предприятия, которые первоначально были захвачены; она предложила, чтобы организация трудящихся позаботилась о промышленных предприятиях, магазинах, кафе, ресторанах и т.д. до конца боевых действий, отложив до этого момента решение проблемы в соответствии с законодательными нормами, установленными для всей страны»⁴².

Рамон Альварес отмечал, что «управление производством было централизовано в Департаменте промышленности, с Сегундо Бланко во главе»⁴³. Бланко отдал распоряжение объединить мелкие предприятия в более крупные и эффективные. Он рекомендовал, чтобы собственники, которых это затрагивало, включались в производственный процесс и им

предоставлялись те же права и средства к существованию, что и остальным работникам⁴⁴.

Региональный конгресс НКТ в мае 1937 г. призвал создать структуру локальных, региональных и национальных экономических советов, согласно принципам НКТ. Эти советы выполняли бы различные задачи по координации экономической деятельности в пределах своей компетенции: «В общих словах: развивать и поощрять все инициативы, обеспечивающие лучшее знание потребностей страны и рациональный контроль в обширной области производственных мероприятий»⁴⁵. Развязка войны наступила в Астурии всего через несколько месяцев после регионального конгресса НКТ, так что было мало шансов осуществить его резолюции.

Рамон Альварес кратко изложил организацию продовольственного дела во время войны:

“ «...Рабочий контроль раньше всего был установлен в рыбной промышленности, после того как она была конфискована и возвращена к работе; были заключены контракты, чтобы обеспечить снабжение изолированной зоны. Мы должны были организовать сеть распределительных пунктов в городских районах. Нами был создан Главный кооперативный совет и затем введены семейные карточки, которые предъявлялись на распределительных пунктах. Был создан Департамент торговли и рыболовства (я был его советником), который занимался снабжением гражданского населения и армии»⁴⁶.

В Астурийском регионе получила широкое распространение «синдикализация» отраслей. Лидер НКТ Сегундо Бланко, занимавший пост советника по промышленности в Межпровинциальном совете Астурии и Леона, издал декрет, гласивший:

“ «...Когда социальная революция восторжествует, все предприятия с их оборудованием будут переданы соответствующим синдикатам, которые будут управлять ими как собственностью рабочих». Официальная сталинистская история Гражданской войны утверждала: «Каждый синдикат делал предприятия, которые он контролировал, своей вотчиной и препятствовал попыткам установить общий план военного производства». Однако, в противоречие этому утверждению, то же издание отмечает: «...Основные металлургические заводы, “Трубия”, “Моредра”, “Лавиана”, “Металес Лугонес”, “Дуро-Фельгера” и другие, начали производить, хотя и в малых объёмах, артиллерийские снаряды, орудия и бронеавтомобили, а также наладили выпуск винтовочных патронов»⁴⁷.

Рыболовство, имевшее большое значение для Астурии, было коллективизировано по инициативе рыбацких профсоюзов. В этот коллектив также были включены консервные заводы и рыбные рынки. Согласно Хосе Пейратсу:

«В первые месяцы эксперимента деньги не имели хождения среди рыбаков. Семья обеспечивалась всем необходимым по предъявлении карточки производителя и потребителя. Рыбаки отдавали свой улов, получая взамен эти карточки»⁴⁸.

Очевидно, что многие предприятия не были конфискованы своими синдикатами. Для тех фирм, которые не были коллективизированы, была введена система рабочих контрольных комитетов. Они создавались совместно НКТ и ВСТ, и членами контрольных комитетов должны были быть те, кто состоял в той или иной профсоюзной организации до 19 июля 1936 г.

Роль контрольного комитета была определена в документе, изданном региональными отделениями НКТ и ВСТ в январе 1937 г.:

“ «Контрольный комитет – это именно контрольный комитет. НКТ и ВСТ обязуются популяризовать среди своих организаций миссию этих контрольных комитетов, которая заключается не в управлении или поглощении функций технических административных органов. Их основной задачей является сотрудничество с руководством: содействовать администрации в инициативах и предложениях любого рода; работать для точного выполнения планов производства, относительно организации которого они должны оставаться информированными; указывать администрации на аномалии и дефекты, чтобы устранить их и улучшить условия труда и производства. Дирекция, администрация и технические органы будут нести по отношению к контрольным комитетам те же самые обязательства»⁴⁹.

Заключение

Во время Гражданской войны в лоялистской Испании наблюдалось большое разнообразие экспериментов по рабочему контролю в различных секторах городской экономики. Инициатива обычно исходила от рабочих, состоявших в НКТ или, по крайней мере, испытавших влияние анархической пропаганды. Однако во многих случаях, особенно в Леванте и Астурии, рабочие ВСТ также принимали участие в этих экспериментах.

Чаще всего рабочий контроль был организован на основе отдельно взятых предприятий. Однако были случаи, когда определённый профсоюз стремился координировать все контролируемые рабочими фабрики и заводы в пределах своей юрисдикции. Наконец, было проведено неустановленное число экспериментов с профсоюзным регулированием всей местной экономики, несколько примеров которых мы видели. Лишь в Астурийском регионе, по-видимому, была предпринята попытка координировать коллективы в региональном масштабе, которая осуществлялась под эгидой двух членов НКТ, входивших в правительство Астурии.

Зверобой обновил 10 мая 2025 15:53:28